

ПАКИСТАН В НАЧАЛЕ XXI в.: СЕМЬЯ, ОБЩИНА, ГОСУДАРСТВО

© 2017 М. ХАЙЦЕВА

Автором дан краткий обзор общественного пространства крупнейшего пакистанского города Карачи, а также предпринята попытка установить взаимосвязь между особенностями социального воспитания в характерной региональной модели Семьи и Общины и массовым отношением общества к Государству и его структурам. Автором выдвигается тезис о том, что пакистанская Семья, будучи системообразующим звеном более крупной социальной группы - Общины, возвращает специфическую систему общественных отношений между людьми. Эта система взаимоотношений выходит далеко за рамки личных отношений, транслируется на социум в целом и автоматически нейтрализует действия Государства.

Ключевые слова: пакистанское общество, модернизация, пакистанская Семья-Община и Государство

PAKISTAN IN THE BEGINNING OF THE XXI c. : FAMILY, COMMUNITY, STATE

Maria V. KHAYTSEVA, Research Associate, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
(maria_khaytseva@mail.ru)

Giving a brief description of the social landscape of Pakistan's most populated city, Karachi, author has made an attempt to establish the link between peculiarities of social upbringing in the special model of a Pakistani Family and what influence this mindset of the whole society has on their further attitude towards the State and its institutions. Author's main thesis is that a Pakistani Family, being a building block of a bigger social group, Community, ingrains with the minds of its members a special system of social relations and behavior in public space. This system of relationship going much further from private life of its members reflects the social structure in the whole and thus neutralizes the social actions of the State.

Keywords: Pakistani society, modernization, Pakistani Family and Community and the State

Дороги и общественный транспорт, обеспечение питьевой водой и продовольствием, доступность электричества и канализации, качество медицинского обслуживания и услуг связи - вот с чем, в первую очередь, сталкивается человек, приезжающий в любую другую страну. В крупнейшем городе Пакистана - Карачи большинство этих задач не решены на том уровне, которому должен был бы соответствовать один из самых густонаселенных мегаполисов мира (более 16 млн человек) [1].

Природа упомянутых социальных проблем лежит не столько в материальной плоскости (плохое финансирование, отсутствие квалифицированных работников и ресурсов), а гораздо глубже - в массовом сознании населения и их отношении к общественному пространству. Пакистанцы сами сделали свое общественное пространство таким плохо функционирующим.

На улицах Карачи приезжему сразу бросится в глаза: есть транспортная полиция, регулировщики и светофоры, а водители и пешеходы не слушаются регулировщиков, не следуют сигналам светофоров, пешеходы переходят дорогу, где придется, даже если рядом переход. Большинство водителей не следуют правилам дорожного движения, а пешеходы, создавая аварийные ситуации, перебегают пятиполосные дороги перед движущимися легковыми и грузовыми машинами, автобусами, мотоциклами, рикшами и гужевыми повозками.

Серьезные проблемы возникают с качеством питьевой воды (даже в фирменной упаковке) и продовольствия (особенно мясной и молочной

продукции). Несмотря на многочисленные жалобы на это и даже связанные с этим смертельные случаи, полиция, поймав нарушителей, через пару дней их отпускает.

А отключения электричества происходят повсеместно.

Другая характерная черта местной жизни: многие компании пытаются всячески обхитрить клиента. Так, разные уловки используют операторы сотовой связи, нарушая договор. Например, Интернет, согласно договору, должен предоставляться 24 часа в сутки, но менеджер регулярно выключает сервер и уходит с работы в 14.00. Компания отказывается признавать этот факт, клиент, в

ХАЙЦЕВА Мария Владимировна, сотрудник, Институт востоковедения РАН. РФ, 115230, Москва, ул. Рождественка, 12 (maria_khaytseva@mail.ru).

свою очередь, отказывается оплачивать фиктивный счет, и в ответ компания отключает ему доступ к Интернету. Клиент подает в суд, но пустяковое дело может рассматриваться годами.

Транспортные компании, как например, *Uber* и *Careem* (заказ такси с мобильного телефона), также не следят за качеством своих услуг. Нередки ситуации с фиктивными счетами, при этом спорные случаи и претензии клиентов просто игнорируются.

Помимо того, что медуслуги плохого качества, действует и дискриминационная система их оплаты - в зависимости от достатка пациента. Например, наложить гипс ребенку из обеспеченной семьи стоит около 7000 рупий (примерно \$70), а из бедной семьи - всего 300 рупий. На вопрос, почему преискурнт на медицинские услуги не вывешен в клинике, администрация отвечает: «Врачу неизвестна стоимость лечения до его окончания». В итоге, врач зачастую называет ту сумму, которую сочтет подходящей для данного пациента.

Масштаб нерешенных бытовых вопросов огромен для такого мегаполиса. Пакистанское общество едино в оценке ситуации. На страницах пакистанских газет исследуются различные проблемы социальной жизни, их причины и способы решения: недостатки медицинского обслуживания [2], системы образования [3], частое насилие, взятки, социальное неравенство и социальная мобильность населения [4], оторванность пакистанских элит от потребностей и интересов простого народа [5] и т.д.

Абсолютное большинство населения склонно винить во всем коррумпированных чиновников, не функционирующие должным образом государственные институты (полицию, суды) и слабое государство, в целом [6]. В то же время следует отметить, что плохо работающие социальные институты государства, как и многие другие социальные проблемы Пакистана, - следствие не только слабости государственного управления. Причина заключается в отсутствии у людей понимания принципов работы социальных учреждений, гражданственности и социальной ответственности как таковых.

Многие пакистанские интеллектуалы объясняют сложившуюся ситуацию «блокировкой сознания» [7], «отсутствием доверия в обществе» [8] и открыто призывают профессиональные сообщества врачей, инженеров, архитекторов и других специалистов брать на себя лидерскую ответственность в продвижении идей и проектов, которые помогли бы изменить мышление правящих элит и чиновников.

Слова об отсутствии доверия не лишены смысла. Но почему рядовой пакистанец, выходя из дома в общественное пространство, подсознательно не воспринимает себя его частью? Повсеместно неработающие официальные институты и жульнические компании не завезены откуда-то извне,

они созданы самими пакистанцами, и работают в них те же пакистанцы, живущие рядом друг с другом. Откуда же взялся столь высокий «уровень недоверия»?

Наблюдая за поведением жителей Карачи на улице, я пыталась узнать их мнение по поводу незначительных, на первый взгляд, мелочей: почему вы не пользуетесь пешеходными переходами и светофорами; почему позволяете людям справлять нужду посреди улицы; почему выбрасываете мусор, где придется, а не в мусорный контейнер, который рядом; почему ни родители, ни кондуктор в автобусе, ни другие пассажиры не делают замечаний детям и подросткам, которые выбрасывают мусор из окна автобуса прямо на дорогу (видимо, потому, что так поступают сами родители)?

На эти и другие аналогичные вопросы, затрагивающие лишь мелкий островок в океане бытовых проблем, я получала один ответ: «Это Пакистан. Это наша региональная особенность. Люди необразованные, и чиновники коррумпированные».

На «региональную особенность», суть которой - в наплевательском отношении к окружающим людям и среде обитания, уровень образования влияет мало. А вот особенности социального воспитания, восприятия себя в социуме и взаимодействия в нем как раз могут объяснить подобное эгоистично-апатичное отношение.

Эти «региональные особенности» закладываются в такой же своеобразной региональной модели *Семьи*, которая, будучи ячейкой пакистанского общества, возвращает специфическую систему общественных отношений между людьми [16]. Эта система взаимоотношений выходит далеко за рамки личных отношений, транслируется на социум, в целом, и автоматически нейтрализует действия *Государства*.

СЕМЬЯ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

В процессе своих наблюдений и общения с пакистанцами я пыталась определить, что же все-таки объединяет столь разных людей. И пришла к выводу, что, несмотря на этнические, религиозные, социальные и другие особенности (в т.ч. и семейные уклады), их объединяет - как на общепакистанском уровне, так и за пределами страны - понятие *Семьи* и единое отношение к этому общественному институту.

Семья занимает центральное место в жизни любого пакистанца - панджабца, пуштунa, мохаджира, синдха, белуджа и всех остальных. Где бы пакистанцы ни находились (в Англии, в других странах Европы, в США), чем бы они ни занимались (юристы, врачи, сотрудники международных организаций, даже миллионеры) - никто и ничто не способно изменить в них это отношение. Не случайно пакистанцы, успешно устроившиеся за границей и живущие там уже несколько поколе-

ний, не ассимилируются с местным населением, продолжая создавать семьи исключительно с представителями своей социальной группы: фактически, они живут автономной общиной, подчас целыми самоуправляемыми городами.

Отдельные аспекты социологических исследований, такие как структура пакистанской семьи, положение женщин, вопросы чести, насилия и власти в семье, модернизация общества и ряд других, уже попадали в поле зрения ученых. Мне бы хотелось остановиться только на тех магистральных векторах, которые выводят эти личные, с виду совершенно частные установки, на общесоциальный уровень, и попытаться проследить, как пакистанская *Семья*, взращивая общинный менталитет у своих людей, по сути, нейтрализует многие общественные действия пакистанского *Государства*.

Иными словами, пакистанская *Община* через каждую *Семью* (порой осознанно, порой подсознательно) воспринимает *Государство* (систему общественных институтов для управления и регулирования отношений между своими гражданами) как враждебное явление и начинает от него защищаться. Данный тезис относится не только к пакистанскому, но и к любому другому государству. И это особенно важно в свете современного массового передвижения людей, их жизни и устройства в других странах.

Тема *Общины* - «большой семьи» (клана, рода, племени) неоднократно рассматривалась в научной литературе. Задача настоящего обзора состоит в установлении, главным образом, негативного влияния *Семьи-Общины* на некоторые принципы функционирования современного общества. Того общества, которое принято называть «западным» и которое призвано через свои институты регулировать взаимоотношения между людьми и защищать каждого отдельного человека.

Базовые принципы государственного устройства западного общества в той или иной степени скопированы многими незападными странами, включая и Пакистан. Но в Пакистане, несмотря на официальное декларирование приверженности западным стандартам государственного устройства и искреннюю убежденность его граждан в необходимости его внедрения, *Государство* не может напрямую взаимодействовать со своими гражданами.

Во-первых, граждане воспринимают себя не самостоятельными единицами, а лишь составными частями *Семьи*, которая, в свою очередь, является составной частью *Общины*.

Во-вторых, сама *Община* обороняется от *Государства*, которое отбирает у неё жизненно важную функцию - организацию социальной жизни человека посредством регулирующих и карающих функций. Делает это *Община* через удержание социального устройства и хозяйственно-финансового уклада своих *Семей*.

В социальной парадигме (*Семья-Община versus мир*) скрыт механизм векового выживания людей, который современное *Государство* не сможет возместить людям с общинным устройством и менталитетом, поскольку преследует другие задачи. Оно декларирует всем своим гражданам равные базовые права и возможности, а не обеспечивает их в финансовом и социальном плане.

В современном государстве каждый человек якобы несет персональную ответственность за свои поступки, а за свой достаток и положение он еще должен побороться. При таком социальном устройстве финансово-социальный смысл существования *Общины* отпадет, значение *Семьи* значительно снизится (что и произошло в западных обществах), и *Человек* останется один на один с *Государством*.

Подобное развитие событий для пакистанцев сродни кошмару: обычный пакистанец больше всего боится именно остаться «один», без финансово-социальной и моральной поддержки *Семьи* и *Общины*. Пакистанское общество подсознательно чувствует «наступление *Государства*» и нейтрализует его действия, чтобы удержать свое традиционное устройство *Семья-Община*.

Пакистанцы искренне верят, что общинное устройство не противоречит принципам современного государства, а государственные институты лишь должны дать им дополнительные преимущества. Пакистанцы считают, что некоррупцированные полицию, суды, хорошие больницы и прочее можно выбрать как подходящий только тебе товар в супермаркете - надо лишь дожидаться, когда он появится в продаже. Крайне сложно, если не сказать невозможно, объяснить пакистанцам, что они сами создают свои социальные проблемы, когда пытаются строить современные государственные институты, выходящая их объявленную задачу и наполняя их прежними общинными взаимосвязями.

КАК УСТРОЕНА СЕМЬЯ

Обратим внимание на следующие характерные особенности устройства пакистанской *Семьи* (необходимо отметить, что описываемые ниже черты в том или ином виде присущи почти всем восточным семьям).

Первоочередная задача *Семьи* - привить каждому своему члену чувство принадлежности к *Общине*, показать ему место в ней и научить модели взаимодействия между «своими» и «чужими». Для этого используются следующие психологические рычаги.

Отсутствие личной свободы. В *Семье* культивируется полное отсутствие личной свободы: свободы мысли, решений, действий и, как следствие - свободы передвижения и общения. *Семья* должна двигаться монолитно, чтобы защитить се-

бя и выполнить поставленную задачу - поддерживать родственников, сохранить или приумножить собственность всей *Общины*, продолжить род. *Семье* будет сложно реагировать на вызовы, если каждый начнет сперва думать, а потом и делать, что захочет.

Подчинение личных интересов семейным. Это правило действует в обе стороны: не только личные интересы подчинены семейным и общинным, но и наоборот - вся *Семья* и *Община* встанет на защиту одного, если он не нарушил неписаный кодекс *Семьи* и *Общины* и действовал в их интересах.

Помимо крайних вопросов физической защиты, здесь можно привести обширный список бытовых примеров. Самый распространенный из них - это ситуация, когда все члены *Семьи* и *Общины* отдают деньги на обучение или обустройство одного человека за границей с тем, чтобы в дальнейшем он регулярно присылал обратно часть своего заработка всем членам *Семьи* или помогал в трудных ситуациях. Эти «платежи» для пакистанца - самые важные в жизни. Если бюджет ограничен, и перед работающим за границей пакистанцем встанет выбор между отправкой этих денег домой и, например, уплатой налогов в стране пребывания, выбор будет сделан не в пользу последнего варианта.

Иерархическое мышление. Каждому члену *Семьи* иерархическое мышление прививается с раннего детства. Жестко очерчивается «пространство» *Семьи* и *Общины*, все члены *Семьи* полностью концентрируются на вопросе, с кем, когда и как можно и нужно взаимодействовать.

Сами пакистанцы называют это довольно высокопарно - «честь Семьи». В этом и кроется один из главных элементов нейтрализации общественного порядка. Ребенку - будущему члену общества - не просто говорят, с кем можно дружить, а с кем не надо, а показывают через поведение всех родственников в рамках жесткой иерархии: кто выше тебя по статусу, кто ниже, и как нужно реагировать на действия «чужих» или «ниже тебя» - игнорировать, пренебрегать, использовать, насилловать, бить, даже убивать.

Если интересы *Семьи-Общины* требуют или допускают подобное поведение, закладывается принцип неравенства в отношении к окружающим и, в целом, пренебрежительное отношение к юридическим законам [14, р. 103]. На этом уровне формируется отношение: закон *Семьи-Общины* - закон *Государства*.

Гендерное уравнение. Помимо константы превосходства мужчины над женщиной, «приличной женщине» отводится ряд ролей: матери, сестры, дочери, жены, а все остальные прозрачно обозначаются как «неприличные женщины для развлечения» [10]. Если в отдельно взятой *Семье* не представлено других ролей для женщины, значит, их не должно существовать, а если они вдруг по-

явятся, то станут проблемой не для одного человека, а уже для всей *Семьи*.

Простой пример: работающая сноха, которая зарабатывает и получает некую финансовую независимость, будет подрывать модель доминирования и рушить, тем самым, привычный уклад.

Гендерное уравнение характерно не только для пакистанцев: многие южноазиатские мужчины (индийцы, бангладешцы и другие) из-за своих семейных установок в принципе не могут воспринимать женщин в социуме на равных - отсюда экзотические требования отдельных мечетей для женщин и «отсутствие привычки» у южноазиатских мусульманок молиться в общей мечети.

Южноазиатские мужчины могут принять женщину-начальника (ведь в *Семье* есть бабушки, мать, тети) и коллегу (статус сестры). Но даже на работе мужчина с таким менталитетом автоматически выстраивает отношения по семейно-родственному принципу. Он готов уважать женщину и даже восхищаться ею, но только не воспринимать её как отдельную от его эмоционального влияния фигуру, имеющую право на собственное мнение и частное пространство. (В *Семье* мужчина, так или иначе, причастен к жизни каждой женщины. Сестра или сноха, например, предпочитает позвать его сходить с ней в магазин, нежели идти туда одной.) Поэтому даже в офисе отношения между коллегами не выстраиваются на профессиональной основе, а носят личностно-семейный характер.

Южноазиатскому мужчине тяжело сработать с женщиной-коллегой, если она не принимает его братского, отеческого или флиртующего поведения по отношению к себе. В случае ее отказа принять его заботу, иногда вполне искреннюю, южноазиатский мужчина начнет либо проявлять необоснованную холодность и отстраненность, либо избегать женщину-коллегу, а порой даже проявлять агрессию. Именно поэтому многие южноазиатские работодатели предпочитают не создавать смешанный коллектив, а если приходится нанимать женщин, то «отделять» их в рамках коллектива, создавая отдельные рабочие места и зоны для питания.

Подобная модель поведения закладывается в семьях и проявляется подсознательно. Мужчина аргументирует свое поведение добрыми намерениями, но именно это «коллективное и бессознательное» блокирует формирование полноценных профессиональных отношений в коллективе с установкой на совместный результат и, в конечном счете, вредит экономическому развитию страны.

В Пакистане много женщин, которые получили высшее образование, но не смогли устроиться работать по специальности именно по этой причине, а не только из-за давления и предрассудков в своих семьях. Такая установка не дает возможности и мужчинам научиться выстраивать отношения и общение с женщинами не по родственному принципу. Им просто негде увидеть альтернативу при-

вычной семейной модели. Это приводит к тому, что женщины и мужчины, оказавшись вне дома и покровительства старших родственников в общественном пространстве, просто теряются и не знают, как вести себя друг с другом, подсознательно воспринимая друг друга как опасность [10].

Принятие насилия. Повсеместное принятие насилия как способа решения возникающих проблем в *Семье* и за её пределами ведет к принятию его на общественном уровне. В пакистанских семейных отношениях присутствует лишь парадигма «обязанности - наказание», т.е. наказание является единственной регулирующей опцией. В *Семье* не закладывается принцип персональной ответственности.

Ответственность подразумевает личное участие, когда человек сам анализирует последствия своих решений и поступков. В *Семье* ответственностью обладает только ее глава, и она у него огромна, поскольку он принимает решения за всех. Остальным остаются лишь обязанности, которые предстают в виде списка обязательных к исполнению действий, за невыполнение которых следует наказание.

В пакистанской *Семье* у человека физически нет возможности научиться быть ответственным, если все значимые решения на протяжении всей жизни за него принимаются другими. В этом кроется другой нейтрализующий компонент общественного устройства: вместо анализа собственных поступков и их последствий человек просто полагается на чью-то помощь; если же он не получает её и самостоятельно исполнить необходимое не может, то принимает наказание.

Здесь стоит отдельно отметить печально известную практику «убийств чести», которые при более внимательном исследовании в действительности являются ответной реакцией *Общины* на любовь, как ей кажется, независимый шаг женщины [17; 18]. «Убийства чести» используются родственниками-мужчинами как общественно приемлемый способ удержания женщин под своей властью, а иногда и как способ устранения конкурентов-женщин в борьбе за передел семейной собственности (борьба за большую долю в наследстве между братьями и сестрами, дядями и племянниками и т.д.).

УСТАНОВКИ, ПРИВИТЫЕ СЕМЬЕЙ

Сильная замкнутость только на интересах своей *Семьи* и *Общины* приводит к своеобразному эгоизму и практически к полному отсутствию у пакистанцев современного общественного сознания, для которого характерна ответственность человека перед окружающими людьми и государством в целом. Подобный общинный менталитет приводит к логической цепочке потребительских рассуждений: «Я беру из окружающей жизни то, что мне нужно и важно, а все остальное - что ни

мне, ни *Семье* не нужно или вредит - либо игнорирую, либо ликвидирую».

Именно этот менталитет не дает пакистанцам правильно осознать столь значимые и постоянно обсуждаемые ими такие категории, как «нация» и «государство», главное в которых - соотносить или ограничивать личное в пользу общественно-го, а также относиться к ближнему как к равному в общественных пространствах, даже если ты лично считаешь себя выше. Пакистанцы этого базового принципа принять не в состоянии, поскольку общественное пространство является для них «полем боя» за влияние и достаток своей *Общины*.

Как следствие, все, что призвано работать на общественные нужды (образование, медицина, полиция, суды, налоги и так далее), для пакистанцев не просто пустой звук, а подсознательно опасная вещь, т.к. определенно грозит ущемлением личного, потерей вековой власти над другими людьми, за счет которых *Семья-Община* выживала веками.

Особенно показательны примеры обращения с домашними слугами [11]. Несмотря на то, что их услуги оплачиваются, очень часто они подвергаются не просто побоям и притеснениям, но и повсеместной дискриминации. Невозможно заставить пакистанца принять как данность, что за одним столом со своим слугой можно и не сидеть, но если ты избьешь его за плохую работу, то будешь виноват перед законом. Этот пакистанец прекрасно понимает, что равенство прав перед законом для него лично закончится печально, т.к. в следующий раз его слуга просто подаст на него в суд, и суд встанет на его сторону. Но в его сознании все сливается в одно понятие - ущемление личного ради другого человека, чаще более низкого по иерархическому статусу, заложенного твоей *Семьей*.

Подобный менталитет порождает такое же эгоистичное отношение и к исламу. Из Корана «выдергиваются» или просто выдумываются отдельные положения, подходящие к сиюминутной жизненной ситуации. Одобрения местного муллы - естественно, выходца из той же общины - будет достаточно. Такого, например, заключение браков и разводов по телефону: мулла должен засвидетельствовать, чтобы окружающие считали это браком. Многие пакистанские мужчины, которые долго живут и работают за границей и женятся там на иностранках, нередко по требованию своих *Семей*, чаще всего старших родственников, создают семьи и с местными, пакистанскими женщинами.

Возникает следующая жизненная ситуация. Стареющей матери или младшему брату нужна помощница по хозяйству. Семья решает завести себе бесплатную работницу и дистанционно «женит» находящегося за границей мужчину. Таким же образом происходит и развод, если *Семья* не получает финансовой или другой выгоды, на которую рассчитывала при заключении брака. Если в силу различных обстоятельств жених не может

приехать на собственную свадьбу или развод, они совершаются по телефону.

Многие пакистанские мужчины соглашаются на это не только под давлением родственников, но также для обеспечения себе «подушки безопасности» в случае возвращения. Западные женщины, из года в год приезжающие вместе с мужем на его историческую родину, могут никогда не узнать, что домработница у свекрови на самом деле - его вторая жена, чьи дети по закону страны имеют больше прав, чем их собственные.

Как формальная, так и нравственная сторона дела, описанная в Коране, никого не интересует. Большинство пакистанцев - искренне верующие люди, которые готовы часами заучивать Коран наизусть, но только не руководствоваться им в спорных семейных ситуациях [19].

Крайне порицаемые Кораном явления - такие, как гомосексуализм и педофилия, в современном Пакистане не просто широко распространились, но и закрепились в общественную норму, которая уже никого не шокирует. Конечно, речь не идет о массовом ЛГБТ-движении, но в этих вопросах пакистанское общество проявляет удивительную толерантность, несмотря на строжайший запрет Корана. Обнимающиеся и держащиеся за руки парочки мужчин не вызывают никакой реакции у прохожих, в то время как девушка с непокрытой головой или слишком короткой *куртой* (рубашкой) рискует вызвать негативные взгляды и комментарии в своей адрес от всей улицы.

Помимо массы бытовых ситуаций, даже в глобальном плане, ислам не смог привить им чувство принадлежности к большой Умме. Несмотря на ярое стремление пакистанцев ко всему «общему для всех мусульман», даже внутри мусульманского мира они всегда держатся обособленно. Более того, для них самих далеко не все мусульмане равны.

Достаточно вспомнить расовые предрассудки пакистанцев, сыгравших не последнюю роль при отделении Бангладеш (1971 г.), которые сильны и по сей день [12]. Например, родители заберут своих детей из частной школы, если там будут учиться дети-бенгалцы. Законы и требования своей *Семьи* для пакистанца всегда перевесят не только законы государства, но и некоторые исламские законы.

НА УРОВНЕ СОЦИУМА

Если спроецировать эти привитые *Семьей* частные установки на уровень социума, получится следующее.

Повсеместное равнодушие пакистанцев ко всему общественному (государственному) и непонимание, для чего нужно считаться с институтами государства (налоги, полиция, суды и т.д.). Несмотря на то, что пакистанцы регулярно выражают недовольство неработающими и коррумпированными структурами, в их претензиях полно-

стью отсутствует понимание личного участия в работе этих институтов. Тот же самый активист борьбы за демократические права не следует даже правилам дорожного движения в собственном городе, а искренний и самоотверженный борец с коррупцией чиновников вместо оплаты штрафа за какое-нибудь нарушение автоматически станет звонить влиятельным родственникам или друзьям с просьбой «посодействовать в разрешении вопроса» [13].

Убедить пакистанцев в том, что эти действия взаимосвязаны, крайне сложно. На мой вопрос, почему жильцы не сложатся и не наймут кого-нибудь для уборки мусора около своего дома, с которой не справляются санитарные службы, одна образованная девушка ответила: «Если это происходит не в моем доме, мы считаем, что это *не моя проблема*, а раз кто-то о ней заявил, значит, это *его проблема*, и он ко мне обращается за помощью. Я не отказываюсь ему помочь, раз у *него* проблема, но я, в общем-то, оказываю ему услугу». Подсознательно это и есть отношение к *Государству*. Я ему делаю одолжение, что считаюсь с ним, в принципе, *оно мне не нужно*, если я за это ничего не получу. А *мои* проблемы могут решить только члены *моей Семьи* (брат позовет «неприкасаемого», он и уберет мусор только около *моей* стены, а не вокруг всего дома). И если чиновник обращается к населению, или государство начинает какие-то общественные проекты, люди воспринимают это как «*не свою проблему*», даже если в действительности это касается именно их.

Исторически сложившееся во многих странах понятие общественного компромисса пакистанцы воспринимают по-своему. Компромисс современного общества в некоем идеале - установить единый знаменатель для общего блага, чтобы все ему следовали для обеспечения равных возможностей и уровня защиты. Пакистанский компромисс - получить выгоду из проблемной ситуации, если эту проблему *перед ними поставили*. А никаких общих знаменателей в принципе существовать не может.

Автоматическая тенденция: не договариваться и объединяться при приближении какой-то проблемы или опасности, а отгораживаться, отделяться, дробиться, потому что так можно на кого-то положиться и выжить. Пакистанцы подсознательно уверены, что в критической ситуации никто ни с кем не считается, поэтому на глобальном общественном уровне у них существуют только две траектории движения - насильственное подчинение и доминирование, а если не получается - обособление. Безусловно, общество договаривается внутри себя по разным вопросам и создает альянсы, группировки, но не в нашем смысле слова. Это тактические договоренности, априори «здесь и сейчас», они не создаются для функционирования устойчивой системы на будущее, и все принимают эти правила игры [13].

Двойное сознание, как следствие, приводит к созданию двойных реальностей: двух Пакистанов - один для элиты, другой для народа (в котором еще с сотню более мелких Пакистанов), двух судебных систем [14, р. 94], двух экономик - одна официальная, вторая реальная и полуполюгальная, двух жизней - одна для *Семьи* и *Общины*, другая для себя. На мой взгляд, подобное происходит из-за того, что пакистанцы не могут принять себя такими, какие есть: их происхождение берет начало в индусском общинном менталитете, основанном на кастовой системе и обособленческой мотивации [15], но, будучи мусульманами, пакистанцы не могут ни себе, ни окружающим в этом открыто признаться. Индусы в этом плане честнее и цельнее и, как следствие, успешнее в некоторых вопросах.

* * *

Получается, что по сути своей ментальности пакистанский народ представляет собой сплав амбиций и комплексов. Ислам с его социальными установками и славное прошлое на территории Южной Азии закладывают в нацию большой потенциал развития, даже некую избранность. Но столкновение с реальной жизнью вносит свои коррективы - ты не поспеваешь за современностью, потому что не способен переступить через себя и свой страх и измениться внутренне, а не имитировать внешние изменения.

Если посмотреть под этим углом на историю создания Пакистана и представление о нем как о «доме для индийских мусульман» и «идеальном мусульманском государстве», то нынешний Пакистан не такое уж *failed state* («несостоявшееся государство»), каким его многие считают. В об-

щем-то, пара десятков *Семей* с общинным устройством, участвовавших финансово и политически в создании Пакистана, добились всего, к чему лично они стремились и во что вкладывались. Эта страна создавалась ими для отстаивания и расширения своих финансовых и социальных интересов.

С некоторыми оговорками Пакистан и по сей день существует в таком качестве. И «нелогичную» ситуацию, при которой Пакистан уже несколько раз «хоронили», но он все еще вполне жизнеспособен, а в определенных областях даже показывает некоторое развитие, можно объяснить отчасти «личными» интересами тех или иных влиятельных *Семей*, а также альянсов отдельных институтов *Государства* (армия, законодатели, духовенство).

Другого «дома» для индийских мусульман не найти, потому что такой кастово-общинный менталитет мог возникнуть только на территории Индии. Модель общества, основанного на устройстве и менталитете *Семьи-Общины*, эффективна для выживания и сохранения своих традиций, но на развитие общества она работать не может, т.к. подавляет свободу и не принимает новшеств. Поэтому пакистанское общество подсознательно стремится к обособлению и не может в полном объеме воспринять современное социальное устройство.

А некоторым ориентированным на ислам странам, которые находятся на сходном социально-экономическом уровне развития и обладают сходным менталитетом, Пакистан со стороны вполне может казаться вполне «мусульманским государством».

Список литературы / References

1. Karachi Population 2017 - <http://worldpopulationreview.com/world-cities/karachi-population/> (accessed 4.06.2017)
2. Pakistanis' spending on medical care highest in region // Dawn. 07.02.2013; Poor picture of health // Dawn. 18.01.2013.
3. State of basic education in Pakistan // The Nation. 02.02.2013; Commission set up to investigate ghost schools // Dawn. 12.02.2013; No place to learn // Dawn. 13.02.2013; 78% children miss primary education in Balochistan // Dawn. 08.02.2013.
4. The knowledge gaps // The Express Tribune. 21.01.2013; Inequality in society // Dawn. 28.01.2013; Education and mobility // Dawn. 01.02.2013.
5. Government policies are biased against poor people // The Express Tribune. 25.01.2013; Urban planners neglecting the poor // Dawn. 25.01.2013.
6. См.: Absence of the state // Dawn. 05.02.2013.
7. Aziz Ali Dad. Intellectual blockage // The News. 09.02.2013.
8. Culture, Corruption and the Hereafter // The Express Tribune. 02.02.2013.
9. Qadeer M.A. Pakistan. Social and cultural transformations in a Muslim nation. Lahore, 2011.
10. См.: Bidwai Praful. To prevent rape, fight, masculinity // The News, 12 January 2013.
11. Needed: a domestic workers' bill of rights // The Express Tribune. 25.01.2013.
12. Shahbag Square - why we Pakistanis don't know and don't care // The Express Tribune. 16.02.2013.
13. См.: Sarwar Bari. Elections and parochialism // Dawn. 20.01.2013.
14. См.: Lieven Natol. Pakistan. A Hard country. London, 2012.
15. The rot within // The News. 13.02.2013.
16. The common Pakistani // The Express Tribune. 10.02.2013.
17. См.: Hasan Arif. 'Honour' Killings. 7.08.2016 - <http://arifhasan.org/development/social-change-development/honour-killings> (accessed 10.09.2016)
18. Суворова А.А. Убийство в защиту чести как социальное явление и современное варварство // Азия и Африка сегодня. 2010. № 6. (Suvorova A.A. 2010. Honor killing as a social feature and modern barbarism // Aziya i Afrika segodnya. № 6) (In Russ.)
19. Qasim A. Moini. The ethical ideal // Dawn. 25.01.2013.